

Лучший эпиграф к интервью Максима Суханова — его же слова: «Я не склонен к многопоточному общению. Я не из тех людей. Я не люблю, когда беседа с незнакомыми затягивается и переходит с темы на тему. Мне хватает для общения репетиций. (Пока хватает, но уж сколько лет я репетирую!) И на сцене идет невероятный энергетический обмен со зрителями, с которыми вовсе не обязательно общаться словами».

Согласна! Лучшая форма беседы с актером Сухановым — смотреть, как безнадежно кландет мощные руки на черную крышку фортепьяно его Сирано, выслушав легкий и беспощадный щелчок Роксаны. Наблюдать за дрожью гнева и бессилия, сотрясающей его Лиру, в премьерном вахтанговском спектакле Владимира Мирзоева. Но есть вопросы, которые не задашь из зала ни королю, ни поэту

того Лиры, которого я стараюсь пробудить в себе, — большой стресс. Пока прошел только один спектакль. Но, думаю, мне будет интересно развивать в себе эти столкновения.

Но для меня еще важнее в данном случае испытание героя новыми чувствами, которых он никогда не знал или давно забыл, что это такое!

То состояние, когда земля уходит из-под ног... С одной стороны, это для него мучительно и ужасно.

С другой стороны — этот опыт отбрасывает Лира в его очень давнее прошлое. И Лир-человек вновь может испытывать эти состояния... А может быть, даже наслаждаться ими.

Мы в спектакле взяли эксцентричную, не бытовую возрастную планку: Лир в первых сценах таков, как будто герою лет триста... (Этот возраст — не только физический, он психофизический.) Мне нужно было нафантазировать, себе представить трехсотлетнего Лиру. В этом очень помог тот грим, который найден для спектакля.

— Как вы гримируетесь? Эти жесткие, кожистые, действительно трехсотлетние морщины Лиры в первом акте — не из «лавки ужасов»?

— Я гримируюсь два часа. Это особый материал, который нашел для Лиры художник-гример Петр Горшенин.

тью знает себе цену. Притом не делает ни шага, чтобы «позиционировать себя». А посему мир цены господину де Бержераку не знает. И, возможно, не узнает никогда.

После премьеры «Сирано» мне рассказали, что вы были в близком родстве с поэтом Александром Ароновым. С тех пор мне кажется, что вы и Аронова воскрешаете в спектакле. Пластического сходства с ним у вашего героя нет. Интонационного — нет. Но вот энергетическое поле поэта, не найденного миром, словно впитано вами от московского Сирано 1970-х, колумниста ежедневной городской газеты...

— Несомненно... Но это память очень личная. Я даже не знаю, как об этом говорить. Мне нравились многие его стихи. Нравились беседы-лекции, которые возникали, когда я был школьником. Книжки иначе открывались в разговоре с ним: так, он соединял произведения с какими-то историческими событиями, или произведение с произведением, или с событиями из жизни. Это было по-настоящему интересно...

Думаю, что в юности я все-таки не давал себе труда желать большего общения. Возможно, это следовало делать.

Но, мне кажется, я научился у него пониманию внутренней природы поэта. Я не могу сказать, что это ощущение у меня полное. Но

того, что необходимо именно сейчас, — для меня очень ценно. И я рад соединять свою фантазию по поводу сегодняшнего дня с его фантазией, сильной, часто непредсказуемой для меня. Это — всего интересней.

...Я стараюсь прийти к нему на репетицию как белый лист, отрезав себя от предыдущего опыта. И вот — так друг друга чувствуем... По-другому я даже не могу сказать.

То, что я делаю, есть во мне! Мне странно слышать, что это «сценическое существо» ненормальное. (Потому что для меня оно — очень уж нормальное...) Я уверен, что многое из этого сидит глубоко внутри у каждого зрителя. Но часто люди не хотят, а иногда и боятся себе признаться в этом.

— Говорят, вы любите Гофмана?

— Я не могу сказать, что хорошо знаю прозу Гофмана. Когда-то мне очень хотелось написать рок-оперу «Крошечка Цахес». Лет в двадцать пять я ее начинал, но не закончил.

— Для себя вы какую-то роль там видели? Цахес, поэт Фабиан, маг Проспер Альпанус — ученик Зороастра?

— Ну это я бы уже отдал на откуп режиссеру.

— Вы и ваш давний друг, актер Александр Самойленко, недавно стали продюсерами фильма «Дни Ангела». Что это за проект?

— Это четырехсерийный фильм Игоря Апанасяна по сценарию Алексея Тимма. В нем снялись Валентин Гафт, Ольга Остроумова, Юлия Рутберг, Александр Самойленко. Это не сериал. Это трагикомедия, действие которой происходит здесь и сейчас, в Москве, в эти годы. Фильм снят на пленку, не на видео. Это важно... Мне кажется, мы попали достаточно точно в какой-то нервный и эмоциональный узел времени.

— Когда выйдет фильм?

— Он будет показан перед Рождеством на Первом канале. На DVD «Дни Ангела» уже вышли, диск есть на Горбушке.

— Отвечая на вопросы «Новой газеты», Владимир Владимирович Мирзоев написал, что у вас есть новые общие проекты — притом не в театре, а в кино и на ТВ.

— У нас есть замечательный сценарий для полнометражного художественного фильма. Но осуществление его, к сожалению, затягивается. Есть еще один проект, который мы сейчас, вполне возможно, начнем. Это фильм, в котором Мирзоев должен быть режиссером, а мы с Александром Самойленко — продюсерами.

— Как, только продюсерами?

— Нет, мы там должны и играть...

— Что в основе сценария?

— Я не буду сейчас говорить... На следующей неделе должно состояться подписание договора с автором.

— Так это современный сюжет?

— Это... да, скорее всего, его можно назвать современным. Но вещь написана давно. Это психологический детектив с элементами фантастики. Восемь серий.

● Беседовала Елена Дьякова

ОТ РЕДАКЦИИ. О фильме «Дни Ангела» «Новая газета» рассуждала, не дожидаясь Сочельника. В одном из ближайших номеров.



Михаил ГИТЕРМАН

ЛИРЫ

МАКСИМА СУХАНОВА

Их — четыре в месяц. А еще — четыре серии и две премьеры

— Сколько спектаклей в месяц вы сейчас будете играть?

— Три «Сирано»... Четыре «Лиры»... Один «Хлестаков». Один «Амфитрион». Один «Укрощение строптивой». И иногда — «Коллекция Пинтера».

— Кто требует больше всего энергии? Сирано, Хлестаков, Лир — или почти аутичный «гений гламура» из «Коллекции Пинтера»?

— Не знаю. Я стараюсь быть справедливым к ним. Я очень равноценно кормлю их внутри себя. Иначе было бы несправедливо.

— Вы говорили когда-то, что выходите на сцену «жонглировать стрессом». Говорили, что вам интересно играть «то, что волнует людей до агорафобии» (то бишь вплоть до желания укрыться от чего-то в малом замкнутом пространстве). Чем вы жонглируете в «Лири»? Там есть, например, социальный стресс?

— Нет. Я думаю, речь идет в первую очередь о стрессе внутреннем. То, что происходит в пьесе Шекспира и в нашем спектакле, могло случиться в любой стране, в любые времена — пока существуют люди, государства и иерархии.

— В первом акте спектакля, в дуэтах-схватках Лиры с Гонерильей (Юлия Рутберг) и Реганой (Марина Есипенко), очень ярко искрит, первой бросается в глаза зрителю — борьба двух типов психики, что ли...

— «Новые царствования» в «Лири» приносят с собой абсолютную амбивалентность добра и зла. Умение легко и стильно выдать черное за белое явно стало хорошим тоном, тестом на полноценность, лучшим «стартовым капиталом» человека, гражданина и придворного. Кент не участвует в этом — и уходит в изгнание. Респектабельный Глостер не сумел принять условия игры полностью: обветшавшая добродетель гостеприимства (или хотя бы почтения к «эпохе старого короля») сыграла в нем. И вот — он ослеплен. Дворецкий Освальд и завистник Эдмонд чувствуют себя в этом мире как рыба в воде — и почти до финала все подтверждает их выбор.

Сам же Лир остро, разъяренно чувствует ложь и лицемерие. Чувствует внутреннюю нравственную норму и решительно ничем не может доказать ее правоту. «Силовые рычаги» он отдал. А других средств восстано-

вить справедливость, оказывается, нет.

Конечно, вечный конфликт. Но ведь и нынешний. Кто же не проходил через это? А Гонерилья и Регана в «Лири» так современны...

— То, что вы сказали, вполне резонно. Спектакль — не одностороннее зрелище. В нем не один-два слоя смыслов — много больше! От этого и происходит самое интересное в театре — неожиданность ощущений.

Конечно, я играю и все прибывающую растерянность Лиры. Он решился на кардинальный шаг — раздать все и посмотреть, что будет дальше. Освободиться — чтоб очиститься. Чтоб прийти к равности самому себе.

Лир — до завязки сюжета — дожил до внутренней необходимости все раздать. Снять мантию, панцирь, маску. И все же для него неожиданно, что путь, который надо пройти к омоложению себя, окажется именно таким.

Да, Лир крайне растерян... Потому что он искренен. А все, что он получает взамен (и все больше, и больше, и больше!), — равнодушные и ложь.

Столкновение моего человеческого темперамента и

У Горшенина — своя дизайнерская, довольно много проектов, он работает сейчас с Алексеем Германом. Вот Петр придумал этот грим, который накладывается частями — так, чтобы мимика лица не исчезала, а, наоборот, усугублялась. Маска односторонняя. Ее отливают заново перед каждым спектаклем.

— И за полтора часа жизни на лице Лиры маска приходит в негодность?

— Скорее, ее невозможно снять так, чтобы она уцелела. Все это держится на специальной мастике, крепится слоями и потом сходит ими же, безвозвратно...

— ...Если жесты, мимику и весь энергетический поток, от которого маска сходит лоскутами, все же переводить в слова... Ваш Лир в новом спектакле Владимира Мирзоева — почти антипод вашего же Сирано в предыдущем мирзоевском спектакле. Антипод-дополнение.

Лир — человек, который снимает маску и броню, чтобы узнать себе истинную цену в мире. Сирано — человек без маски, без брони, без кожи. В панцире собственного духа (а кто его шупал, этот панцирь? кто и чем докажет его реальность?). Ваш Сирано полно-

вспышками, пунктирами, я смею надеяться, что чувствую те токи, с которыми взаимодействует поэт. И то, как он одинок в своих открытиях и наблюдениях. Даже не знаю, что еще сказать.

— Максим, ваши персонажи (особенно Сирано и герой «Коллекции Пинтера») так не похожи на вас вне сцены! Вы спокойны — они предельно эксцентричны. Вы производите впечатление очень здорового душевно и отлично воспитанного человека. А эти затейливые, крадущиеся, чуть одутловатые, легко меняющие тембр речи создания — почти больны. Это напоминает странную форму смирения — пластическое юродство, что ли... Как вы лепили это существо? Почему вам интереснее лепить его, чем использовать на сцене свою статью и физическую природу?

— Я использую свою психофизическую природу! То, что вы видите на сцене, — это я, а не мои мозговые экзерсисы. И, естественно, это моя природа, соединенная с желанием режиссера. В данном случае — Владимира Мирзоева, с которым я делаю эти работы.

То, как Мирзоев чувствует природу героя, природу

Суханов Максим